

УДК 330.16
ББК 65.012.12

А.Д. КАРНЫШЕВ

ФЕНОМЕН ПАТРИОТИЗМА В ИСТОРИИ И СТРУКТУРЕ ЭКОНОМИЧЕСКИХ И МЕЖНАЦИОНАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ*

В статье показано, что экономический патриотизм, являясь терминологической новацией XXI в., акцентирующей внимание на исконных экономических интересах конкретных стран, в тоже время имеет глубокие корни в психологии человека и этнических сообществ. Более «патриотичными» в прошлом были экономические учения меркантилизма и исторической школы, которые отталкивались от интересов человека и

* Статья подготовлена на основе исследований по гранту РФФИ 18-013-00785 «Экономический патриотизм как объект междисциплинарных исследований в психологии и ресурсы его формирования у городской и сельской молодежи (на примере населения Восточной Сибири)».

группы. На практике он часто представлен объектами «многоуровневой любви»: от «малой родины» до «Terra Patrie». Формирование экономического патриотизма в условиях роста националистических настроений в мире, санкционирования и русофобии в отношении России является важнейшим ресурсом социально-экономического развития страны и консолидации общества, гарантией сохранения национальной и культурной идентичности россиян, условием межнационального согласия. Современный экономический патриотизм в России тесно связан с экономическими санкциями зарубежных государств и процессами импортозамещения. В стратегии научно-технического развития России в «системе больших вызовов» показаны риски утраты национальной и культурной идентичности, угрозы международной конкурентности и конфликтности, определена необходимость противодействия терроризму и идеологическому экстремизму. Без формирования патриотизма в разных его формах справиться с данными вызовами будет очень сложно.

Ключевые слова: Патриотизм, экономическое поведение, протекционизм, идентичность, санкции, экономическая этнопсихология, мигрантские ориентации.

A.D. KARNYSHEV

THE PHENOMENON OF PATRIOTISM IN HISTORY AND IN STRUCTURE OF ECONOMIC AND INTERETHNIC RELATIONS

This article illustrates that «economic patriotism», as a terminological innovation of XXI century, highlighting the original economic interests of specific countries, at the same time has roots in psychology of men and ethnic communities. The economic teachings of mercantilism and the historical school were more «patriotic» in past, based on an interest of the individual and the group. But in practice, it is often represented as objects of multi-level love: from «small native land» to «Terra Patrie». The formation of economic patriotism in context of growing nationalistic sentiments in the world, sanctions and russophobia against Russia is important resource for the country's social and economic development and the consolidation of society, a guarantee of preserving the national and cultural identity of Russians, and a condition for interethnic harmony. Contemporary economic patriotism in Russia is closely related to the economic sanctions of foreign states and import substitution processes. The strategy of Russia's scientific and technological development in the «big challenges system» reflects the risks of loss of national and cultural identity, the threat of international competition, and the necessity to counter terrorism and extremism. Without the foundation of patriotism in its various forms, it will be difficult to cope with such challenges.

Keywords: Patriotism, economic behavior, protectionism, identity, sanctions, economic ethnopsychology, migrant orientations.

Обращаясь к истокам взаимосвязи национальных проблем и экономического патриотизма, целесообразно вспомнить взгляды меркантилистов XVIII в. Меркантилизм — это экономическое учение, признающее источником богатства разных стран сферу обращения капитала, торговлю, а не столько сферу производства. В словаре В. Даля одно из вариантов понятия: меркантильная система — расширение круга внешней торговли за счет других народов. В более поздних русских словарях (например, С.И. Ожегова) используется обыденная трактовка термина «меркантильный», которая связана в первую очередь с излишней расчетливостью человека, с его нацеленностью на личные интересы. Такое объяснение может использоваться и в отношении некоторых социальных групп, отличающихся корыстной направленностью. Общественная сущность меркантилизма, согласно авторитетным позициям ученых, состояла в цели создания замкнутого извне государственного хозяйства, способного удовлетворять всем потребностями своих членов национальной работой и путем оживленного внутреннего обмена отдавать в распоряжение целого все естественные вспомогательные средства страны и все индивидуальные силы народа. В психологическом плане особо значимо пояснение термина «меркантильный», связанное с излишней расчетливостью человека, с его нацеленностью на собственные выгоды. И именно эта психологическая трактовка, только по отношению к конкретным государствам и странам составляет основу названия книги А. Брюне, Ж.-П. Гишара «Геополитика меркантилизма: новый взгляд на мировую экономику и международные отношения» [1].

В связи с заботой меркантилистов, прежде всего, о национальных интересах существовали и существуют взгляды, показывающие негативное влияние меркантилизма на отношения между нациями и их представителями. Авторы многоплановой работы «История и философия экономики» приводят образное и психологически колоритное выражение Ф. Энгельса о том, что во взглядах меркантилистов «нации стояли друг против друга, как скряги, обхватив обеими руками дорогой им денежный мешок, с завистью и подозрительностью озираясь на своих соседей» и констатируют: «понимание экономической деятельности как игры с нулевой суммой (выигрыш одного человека или страны является проигрышем другого) было характерно для экономических воззрений вплоть до конца XVIII в. [3, с. 413]. Д. Кейнс, анализируя их концепции, выразился еще более определенно: «Меркантилисты не обманывались относительно националистического характера их политики и ее тенденций к развязыванию войны. Они единодушно стремились к национальной выгоде и относительному могуществу» [5, с. 184]. Хотя крайние позиции далеко не всегда были характерны для них. Это можно показать на примере английского мыслителя Д. Дефо, который был не только писателем, но и торговцем и известным адептом меркантилистических

взглядов. Вот одна из его характеристик: «он был крайне националистичен, когда выступал против импорта; в то же время нужды торговли делали из него человека, чуждого национальным барьерам». Этот пример показывает нам, что при реализации определенных экономических ролей может наблюдаться когнитивный диссонанс, когда стремление получить выгоду от других, сочетается с явным нежеланием поделиться своими ресурсами с ними или способствовать продвижению их товаров.

В конце XIX в. М. Вебер написал интересную статью «Национальное государство и народнохозяйственная политика», в которой назвал ученых-единомышленников «экономическими националистами». Такие ученые видели политическую зрелость правящих классов в «понимании и соответствующей способности ставить долговременные экономические и политические *властные* интересы нации выше всех прочих соображений» (курсив М. Вебера) [2, с. 30]. Сегодня, когда многие политики и экономисты Запада считают, что в экономике эра неолиберализма начинает сменяться эрой неонационализма, интерес к меркантилизму может и, скорее всего, будет увеличиваться.

Связан патриотизм и с позициями ученых исторической школы в экономике. Например, позиции немецкого мыслителя Листа и представителей исторической школы позволили А. Маршаллу так оценить науку политэкономии того времени в Германии: «Немцы любят говорить о том, что физиократы и школа Адама Смита недооценивали значение национальной жизни; что они имели тенденцию жертвовать ею ради эгоистического индивидуализма, с одной стороны, и ради вялого филантропического космополитизма — с другой. Они утверждали, что Лист оказал огромную услугу стране, стимулируя чувство патриотизма, которое является более щедрым, чем чувство индивидуализма, и более твердым, и определенным, чем космополитизм». Кроме того, Маршалл он видел и другие позитивные моменты: «...хотя немцы испытывают националистические симпатии, они проявляют в своих исследованиях благородный интернационализм» [7, с. 719–720].

В названной выше книге А. Брюне и Ж.-П. Гишара, понимая связь патриотизма и национальной политики, авторы доказывают, что наиболее успешные за последние четыре века в экономическом плане страны — Голландия, Англия, Франция, США — стали таковыми в первую очередь за счет политики меркантилизма, но и презентуют современные примеры таких явлений. В частности, используя понятие «Патриотический тоталитарный капитализм», они показывают, что именно по такому пути идет современный Китай. В этой стране, по их мнению, большинство деловых людей выполняют правило: «предприятие, крупное или малое, ни в коем случае не должно идти против интересов государства и КПК» [1, с. 99]. Но существуют определенные требования и в отношении зарубежных партнеров: «если какой-то руководитель западного предприятия

позволит себе критиковать Китай и, следовательно, окажется «недружественным», то «патриотическая» обязанность ответственных за этот вопрос состоит в том, чтобы больше не заключалось ни одного договора о заказе или продаже с этим предприятием» [1, с. 100].

Примеры Китая и некоторые аспекты геополитики стимулируют на действия другие страны. В таких условиях вырабатываются различные механизмы — политические, общественные, гражданские для защиты национальных интересов. Именно этим чаще всего обусловлены успехи правых европейских партий типа французского «национального фронта». Отсюда и тенденция, что в последние годы явно спадает негативное отношение к протекционизму, по крайней мере противоречивость его оценок так или иначе перестает отличаться своей отрицательной радикальностью. Можно обратиться к материалам двух сессий Международного Валютного фонда (МВФ) и Всемирного банка (ВБ), которые проходят два раза в год. Если на октябрьской сессии 2016 г. в итоговом заявлении сессии звучали жесткие слова «противостоять всем формам протекционизма», то уже в апреле 2017 г. Министры финансов и главы центробанков ведущих стран мира в документы сессии МВФ и ВБ, прошедшей в Вашингтоне, не включили слова об осуждении торгового протекционизма. Эксперты считают причиной этого тот факт, что мир в целом становится менее склонен к открытости.

Для нас примеры Китая и США значимы по двум обстоятельствам. Во-первых, они подтверждают жизненность некоторых форм экономического патриотизма в виде правил меркантилизма, протекционизма и т.д. Во-вторых, соседство Китая и непосредственное взаимодействие с его провинциями сибирских и дальневосточных субъектов РФ, означает для последних необходимость следования определенным нормам и требованиям китайской этики патриотизма. И отсюда проблема: как научиться сочетать эти нормы с ценностями отечественного патриотизма [4].

Все перечисленные теоретические и практические позиции так или иначе повлияли на развитие соответствующих тенденций в наше время. Но понятие экономической патриотизм, как считается, появилось только в XXI в., и его авторство приписывают Б. Карейону — депутату национального собрания Франции, который в 2003 г. через данный термин заговорил о защите отечественного бизнеса от иностранного капитала. Между тем, как следует из проведенного анализа, издавна существовали экономические явления, которые вполне можно рассматривать в качестве примеров экономического патриотизма (см. [4]). Так, целесообразно вспомнить закон США 1929 г. «Покупай американское». Он содержал запрет на использование любых иностранных товаров при выполнении госзаказов, если только их цена не была в два раза ниже соответствующих американских изделий. Позже этот документ стал основой для закрытия государственного военного рынка для иностранных фирм. Начавшаяся

вторая мировая война предопределила развитие экономики США и способствовала выходу ее из кризиса. В 1942 г. Ф. Рузвельт сказал: «Доктор Новый Курс удалился на покой, — на смену ему пришел доктор Вуйиграй Войну». Новый «доктор» простимулировал патриотизм американской промышленной элиты, патриотизм, увязанный с экономическими интересами. Надо отметить, что давний закон своим первым указом в 2017 г. усилил новый президент Америки Д. Трамп: «Покупай американское. Нанимай американцев.». Вряд ли кто станет отрицать, что применение западными странами экономических санкций в отношении Китая и СССР в XX в. вызывало всплеск патриотических чувств. Аналогичные реакции вызвали санкции у граждан России в настоящее время.

Кстати, анализируя связь санкций с экономическим патриотизмом наших соотечественников и их сторонников в разных странах, важно помнить, что восприятие санкций со стороны разных субъектов будет неоднозначным в зависимости, как минимум, от трех моментов:

- кто ввел санкции и их причины, союзники и партнеры инициатора (в целом заинтересованные лица);
- в адрес кого введены санкции, а также сочувствующие ему (им) субъекты (экономически и/или политически заинтересованные в санкциях);
- наблюдатели, для которых процесс санкционирования, его течение и результаты не представляют каких-то интересов, кроме, может быть, любопытства.

В целом санкционирование для России — это вполне привычная вещь. Стоит вспомнить, что уже в 1919 г. странами блока Антанта (прежде всего, США, Англией, Францией) против Советской России — государства, существующего не более 2-х лет, — была введена экономическая блокада. Она сопровождалась насильным отсечением страны от зарубежных рынков. В 1919 г. Черное море было фактически потеряно. Торговые корабли могли пройти только до Турции. На Дальнем Востоке господствовали японцы, и выходов в Тихий океан не осталось. На Балтике России удавалось торговать только с Германией, Швецией, Норвегией и Данией, но и это было рискованно. Официально экономическую блокаду отменили в 1920 г., когда стало понятно, что одна из главных сил Гражданской войны — Белое движение — окончательно проиграло. Но реально санкции просуществовали до 1925 г., когда Лига Наций признала СССР. Чтобы заострить вынужденность таких шагов, британский премьер Л. Джордж сделал рациональное обоснование: «торговать можно и с людоедами». Такого рода оценки не могли вызвать ничего иного у большинства жителей страны Советов кроме укрепления патриотических чувств. Аналогичны реакции возникают сегодня по отношению к любым актам русофобии со стороны россиян.

Появление в прошлом в России патриотической тематики также связано с межнациональными отношениями. М. Фасмер в своем эти-

мологическом словаре отмечает, что слово патриот у русских впервые использовано Петром I, и имело истоком французское patriote — сын отечества. Россиян с давних пор интересовало, почему император Петр — человек, введший в России это слово, в то же время избрал своим образцом государства небольшую Голландию — морскую и торговую державу. Он проходил там первые зарубежные уроки делового и политического мастерства, и, по-видимому, настроился на понимание значения любви к родине. Д. Менделеев, как бы поясняя данный факт, в одной из своих экономических работ писал: «Сколько я ни объездил стран, везде видел немало бедноты, только в Голландии не встретил и знаю, что там труд в большом почете и что эта страна, природой обиженная, всем своим благополучием обязана именно этому уважению к труду... Труд и любовь к своей стране из ничего там сделали все и довели страну до образцового благоденствия и миролюбия» [8, с. 205]. Из истории Голландии — Нидерландов хорошо известно, сколько усилий понадобилось ее жителям, чтобы осушить и благоустроить ее земли. После таких трудов процветающую родину нельзя было не любить.

В.И. Даль поясняет слово патриот, как любитель отечества, ревнитель о благе его, а термин патриотизм представляет через содержание любви к отчизне. Ф.А. Брокгауз и И.А. Ефрон в Энциклопедическом словаре дают следующее определение: «Патриотизм — любовь к отечеству, вытекающая из солидарности интересов граждан данного государства или членов данной нации». Словарь С. Ожегова, наряду с общей, дает более широкую трактовку понятия патриот: а) человек, одушевленный патриотизмом — советский патриотизм; б) человек, преданный интересам какого-нибудь дела, горячо любящий что-нибудь — патриот завода, патриот города.

Наличие уровневых и иных вариантов патриотизма «рука об руку» идет с этническими, национальными и региональными аспектами. Дело в том, что патриот чего-то «нашего» в огромном числе случаев противопоставляется любви «других» к «не нашему» и их же «нелюбви» к нашему. Я (мы) и Вы (они) — такое разделение часто присутствует в патриотических мировоззрении и оценках. Любовь к родине обычно, особенно в прошлом, конкретна, она признает «других», но не хочет, чтобы они приходили со своим уставом в «наш любимый монастырь». Именно поэтому от этнопсихологических проблем патриотизма так трудно отойти. Соответственно, мы предполагаем, что и уровневая вариативность патриотической идентификации будет носить оттенки не только территориального, но и национального своеобразия. Детализация в данном направлении показателей таблицы подтвердила это (см. табл.).

Данные таблицы преподносят материал для многочисленных рассуждений. Кратко остановимся лишь на двух из них. Во-первых, четко прослеживается, что представители аборигенного населения — и город-

ские, и, особенно, сельские буряты — оценивают свой патриотизм по отношению к малой родине заметно выше, чем русские и представители других национальностей. Учитывая, что их предки проживали в Восточной Сибири с давних времен, этот нюанс вполне объясним. Во-вторых, выше оценки девиза «где хорошо, там и родина» у представителей других национальностей, и эту «мигрантскую» закономерность вполне можно объяснить отсутствием привязанности к определенной территории и национальным ценностям. Кстати, городские представители данной категории по сравнению с другими значительно меньше идентифицировали себя с патриотами байкальского края.

Самооценка патриотической идентичности в зависимости от национальности и места жительства респондентов

Варианты идентификации	Дифференциация по категориям					
	Город			Село		
	Русские	Буряты	Другие	Русские	Буряты	Другие
Патриот страны	7,68	7,49	6,73 ¹	8,07*	7,49	7,47
Патриот малой родины	7,27	8,04*	6,57*	7,72	8,24*	7,83
Патриот родного края	7,14	7,56	6,12*	8,03	8,10	7,33*
Патриот байкальского края	6,70	6,95	5,10**	6,79	6,65	6,56
Патриот организации	5,36*	5,31*	5,32*	6,38	6,77	6,00
Патриот Земли в целом	4,74*	4,51*	5,60	5,95	5,52	5,67
Патриот материка	4,01	4,84	4,78	4,78	5,56*	3,56*
Девиз: «Где хорошо, там и родина»	3,26	3,23	4,04*	3,25	3,85	4,76*
Не признаю слова патриот»	2,00	2,08	2,29	2,24	2,33	2,67*

¹ $p < 0,05^*$; $p < 0,01^{**}$

Дискуссионную позицию о взаимосвязи патриотизма с иммигрантской ориентацией отдельных людей и целых народов когда-то высказал К. Юнг при сравнении особенностей индийского и европейского человека. Он подчеркнул, что индийцы созданы для жизни в Индии и хотя жить именно на родной земле. Они примирились с таким уровнем оседлости, которого не в состоянии достичь западные жители даже с помощью своих идеалов и судорожных моральных усилий. Юнг отмечал, что странствования народов и этнических групп Европы еще не подошли к концу. Совсем немного времени минуло с той поры, когда англосаксы переселились из северной Германии на свою новую родину. Нормандцы пришли туда из Скандинавии через северную Францию еще позже — отсюда и сходная история у каждого народа Европы. Юнг считал, что девизом таких людей продолжает быть: «Ubi bene, Ibi patrie» (где хорошо, там и родина). «Это девиз страстных патриотов. Так как мы все еще не утратили вкуса к странствиям, то воображаем себе, что — хуже или лучше — сможем жить где угодно» [10, с. 20–21]. Примерно этот же мотив звучал в словах песни «Мой адрес не дом и не улица, мой адрес

Советский Союз». Как бы дискуссия с Юнгом, можно назвать «дезиг страстных патриотов» одним из проявлений конъюнктурного патриотизма, свойственного огромному числу людей. У современных мигрантов дезиг развит в особенной степени.

Важно, хотя бы кратко прокомментировать достаточно высокую оценку в таблице варианта «патриот организации», особенно респондентами из села. В целом сегодня все чаще используются сочетания патриот компании, патриот корпорации, и этот феномен, особенно в своих транснациональных вариантах, порой ни в чем не сочетается с патриотизмом в конкретном отечестве. Причем вряд ли у кого вызовет сомнение факт, что истинный патриот завода или корпорации — это явление экономически выгодное, поскольку преданность человека своей организации сопровождается более высокой отдачей в труде и социальной активности. В транснациональных корпорациях руководство весьма заинтересовано в такой корпоративной культуре, которая сводила бы на нет межличностные и межгрупповые коллизии. Но в более широком масштабе в последние годы во многих развитых странах наблюдается определенная поляризация экономических статусов людей и их доходов: больше становится крайне богатых и крайне бедных и заметно уменьшается наличие среднего класса. А это чревато снижением экономической патриотичности и попытками ее компенсировать за счет националистических идей. Беднеющий человек скорее воспримет виновником своих несчастий «другого» человека, «другую» социальную группу или чужую страну, чем искать аналогичные изъяны у своих земляков или/и соотечественников. В таких ситуациях национализм становится подпиткой патриотизма.

Между тем, в середине и ближе к концу XIX в. «могильщиком» патриотизма в значительной степени стал пролетарский интернационализм. Слова из манифеста коммунистической партии, написанного К. Марксом и Ф. Энгельсом, «рабочие не имеют отечества» стали широко обсуждаться политическими деятелями того времени в разных странах. В частности, Г.В. Плеханов утверждал, что слова «рабочие не имеют отечества» написаны были в ответ идеологам буржуазии, обвинявшим коммунистов в том, что те хотят «уничтожить отечество». Ясно стало быть, что у авторов Манифеста речь шла об «отечестве», понимаемом в совершенно определенном смысле, т.е. в том смысле, который придавали понятию буржуазные идеологи. Манифест объявил, что *такого отечества рабочие не имеют* (курсив автора цитаты) [9, с. 90]. Более того, он заострял вопрос: «в настоящее время, в царстве *капитализма*, отечество служит не только выражением духовных особенностей различных народов, но также и более всего — *выражением национальной исключительности, взаимного недоверия между народами и угнетения одного народа другим*. Каково должно быть отношение

сознательного пролетария к *этому, к буржуазному отечеству?*» (курсив автора цитаты) [9, с. 91].

При этом нельзя не брать во внимание, что негативные чувства по отношению «квазипатриотов» к России, нередко были, с одной стороны, стимулированы меркантильными интересами «хулителей», с другой стороны, специально выставлялись напоказ перед зарубежной публикой при ожидании экономических выгод. Э. Уайт — посол США в России в 1892–1894 гг., замечая подобные тенденции, писал, что он бы дал моим соотечественникам дружеский совет поменьше верить басням, которые распространяются людьми, выдающими себя за жертвы русского деспотизма, особенно когда эти жертвы торопят принять американское подданство затем только, чтобы поскорее уехать назад в Россию и использовать там права американского гражданства для вящего преодоления конкурентов по торговле. Скорее всего, эта «показуха» — одна из негативных черт российских бизнесменов, ориентированных только на Запад, и она в ходу и сегодня.

Если говорить о современной национальной политике России, то можно уверенно сказать, что одним из ее истоков являются давно обоснованные меркантилизмом протекционистские меры. Кто сегодня не знает о понятии «дотационные территории», которых в России большинство. Они возникают и потому, что у некоторых регионов действительно не хватает средств для удовлетворения бюджетных расходов, и потому, что «центр» нередко несправедливо распределяет эти средства. Но применительно к национальным образованиям протекционизм является «законодательным», поскольку обязательной становится реализация законов, для которых у самих территорий вряд ли найдутся средства. Для того, чтобы не быть голословными, напомним некоторые федеральные законы (ФЗ), которые устанавливают конкретные протекционистские меры. Так, Закон РФ «О государственных гарантиях и компенсациях для лиц, проживающих в районах Крайнего Севера и приравненных к ним местностях» от 19 февраля 1993 г. № 4520-1 устанавливает соответствующие меры для возмещения материальных и физических затрат гражданам в связи с работой и проживанием в экстремальных природно-климатических условиях Севера. Аналогичные цели, только в отношении пенсионеров выполняет Закон РФ «Об увеличении базовой части трудовой пенсии лицам, проживающим в районах Крайнего Севера и приравненных к ним местностях» 29 ноября 2003 г. № 154-ФЗ.

Таким образом, экономический протекционизм в многонациональной стране с разными этносами, находящихся на разных уровнях развития, тем более проживающих в экстремальных условиях, — это не только неизбежность, но и обязанность государства. Отсюда же неизбежны минимум два психологических последствия. С одной стороны,

часть населения регионов — «доноров» будет обязательно высказывать свои претензии насчет того, что они «кормят и поят за свой счет «бездельников», «отдают им свои кровные» и т.д. С другой стороны, естественна обида получающих льготы и субсидии, что другие не понимают необходимости «восстановления» справедливости. В то же время нельзя забывать, что при необоснованных повышенных дотациях возникает возможность иждивенческих настроений, «эффекта кукушат», вскармливаемых милосердной птицей. Такие «кукушата» никогда не будут патриотами.

Список использованной литературы и источников

1. Брюне А. Геополитика меркантилизма: новый взгляд на мировую экономику и международные отношения / А. Брюне, Ж.-П. Гишар. — М. : Новый хронограф, 2012. — 232 с.
2. Вебер М. Политические работы (1895–1919) / М. Вебер. — М. : Праксис, 2003. — 424 с.
3. История и философия экономики. — М. : КНОРУС, 2008. — 664 с.
4. Карнышев А. Д. Природа экономического патриотизма и гражданского сотрудничества: этнопсихологические аспекты / А. Д. Карнышев, Е. А. Иванова, О. А. Карнышева. — М. : ИП РАН, 2017. — 480 с.
5. Кейнс Дж. Впечатления о Советской России. Должно ли государство управлять экономикой / Дж. Кейнс. — М. : Алгоритм, 2015. — 224 с.
6. Кобылянская М. С. Экономический патриотизм в Российской Федерации: формирование гражданской позиции молодежи / М. С. Кобылянская, Е. А. Матушевская, И. В. Березина // Молодой ученый. — 2016. — № 17. — С. 416–419.
7. Маршалл А. Основы экономической науки / А. Маршалл. — М. : Эксмо, 2008. — 832 с.
8. Менделеев Д. И. С думою о благе российском: Избранные экономические произведения / Д. И. Менделеев. — Новосибирск : Наука, 1991. — 231 с.
9. Плеханов Г. В. Патриотизм и социализм / Г. В. Плеханов // Избранные философские произведения в 5-ти томах. — Т. 3. — М. : Госполитиздат, 1956. — С. 89–98.
10. Юнг К. Г. Йога и Запад / К. Г. Юнг. — Львов : Инициатива, 1994. — 230 с.

Информация об авторе

Карнышев Александр Дмитриевич — доктор психологических наук, профессор, зав. лабораторией психолого-экономических и кросскультурных исследований, Институт социальных наук, Иркутский государственный университет, 664003, г. Иркутск, ул. К. Маркса, 1, e-mail: ale3441@yandex.ru.

Author

Alexander D. Karnyshev — Doctor of Psychology, Professor, Head of the Laboratory of Psychological, Economic and Cross-Cultural Studies of the Institute of Social Sciences, Irkutsk State University, 1, K. Marx St., Irkutsk, 664003, e-mail: ale3441@yandex.ru.